

Алиса Русман

Хозяйка

Северных Земель

Алиса Росман

Хозяйка Северных Земель

<https://litres.ru/74366372>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Брачный алтарь благословил наш союз – Сирил, мой жених, возвышает голос, обращаясь ко двору. – Но она, она должна была хранить себя в чистоте! А позволила осквернить свое тело прикосновениями другого!

– Это неправда – вырывается у меня хриплый шепот, который тонет в нарастающем гуле.

Меня предали, оболгали и изгнали в северные земли, доживать мои последние дни.

Я думала что моя жизнь закончится, но не знала, что самое сложное только начинается, и, если я найду в себе силы справиться с трудностями, то верну своё честное имя и отомщу предателям.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алиса Росман

Хозяйка Северных Земель

Глава 1

– Моя невеста, Вивьен Сигрид, – его голос, медленный и сладкий, как патока, разносится под сводами тронного зала.

Он берет мою руку, и его пальцы, холодные и влажные, смыкаются вокруг моего запястья стальным обручем. Он ведет меня вперед, к центру, где скрещенные гербовые штандарты Западных Земель и моего скромного рода бросают на пол искаженную тень.

Я всё еще пытаюсь убедить себя, что это не сон. Что сейчас стану женой кронпринца. Это было предназначено судьбой, скреплено договором.

Мой долг. Я должна повиноваться. Я растягиваю губы в натянутой, дежурной улыбке, ловя на себе восхищенные и завистливые взгляды знати.

Кронпринц Сирил Арганский. Золотой юноша королевства. Он красив – это бесспорно, с волосами цвета спелой пшеницы и правильными чертами лица. Умен – по словам его наставников. Невероятно богат. Но почему же тогда мое сердце не поет, а бешено колотится в клетке груди, как пойманная птица?

Холодная струйка паники ползет по спине, и я чувствую – сейчас произойдет что-то ужасное.

– Вивьен, – Сирил снова произносит мое имя, и в его голосе больше нет и тени тепла. Он останавливается, поворачивается ко мне, и я застываю, увидев в его синих, как зимний лед, глазах чистую ненависть. Инстинктивно я пытаюсь вырвать руку, но его пальцы впиваются в мою кожу так, что наутро проступят синяки. – Ты должна была стать моей женой. Кронпринцессой. Родить мне наследников. Но ты... не оправдала надежд. Ты осквернила традиции наших предков.

В зале проносится приглушенный гул, похожий на ропот разбуженного улья. У меня перехватывает дыхание. Я безумно оглядываюсь, ища в толпе лица родителей, но вижу лишь бледные, отчужденные маски.

– Брачный алтарь благословил наш союз... – Сирил возвышает голос, обращаясь ко двору. – Но она, она должна была хранить себя в чистоте! А позволила осквернить свое тело прикосновениями другого!

– Это... неправда... – вырывается у меня хриплый шепот, который тонет в нарастающем гуле.

Я вижу, как стражи в латах с гербом Арганы грубо толкают вперед тщедушного, перепуганного паренька. Я приглядываюсь – боги, это же сын кузнеца из нашего поместья. Мы играли вместе в детстве. Он сейчас плачет, его лицо искажено страхом.

– Он всё рассказал, – Сирил бросает на меня взгляд, пол-

ный торжествующего презрения. – Признался во всем.

Тишина, наступившая после этих слов, становится оглушающей, давящей, как свинцовые плиты. Я открываю рот, но не могу издать ни звука. Горло сжато невидимой петлей.

– Твоя семья будет наказана за твое падение! – его голос гремит, ударяясь о каменные стены. – И ты будешь наказана!

Я смотрю на лицо отчима, ожидая увидеть шок или хоть каплю возмущения. Но вижу лишь ехидную, самодовольную ухмылку, кривящую его губы.

Мой взгляд скользит к матери – она прячется за его широкой спиной, словно стараясь стать невидимой, и ее глаза упорно избегают встречи с моими. В них нет ужаса, только стыд и желание раствориться.

Еще вчера... Всего лишь вчера мы с ней сидели в саду, пили травяной чай и смеялись. Она гладила мои волосы, с гордостью говоря, что ее дочь станет принцессой, что наша семья наконец-то выбьется из нищеты. В этих мечтах не было места любви к Сирилу, лишь холодный расчет и сладкое предвкушение сытой, достойной жизни. И я была рада, что смогу это им дать.

А теперь... Теперь всё это обратилось против меня пылающим мечом предательства. Горькая ирония сдавила горло. Хорошо, что здесь нет моего младшего братишки. Хоть кто-то из близких не увидит моего полного, сокрушительного падения. Моего позора, который висит на мне тяжелее мокрой мантии.

– Вивьен, – снова произносит Сирил, и его пальцы разжимаются, наконец отпуская мою руку. Кровь снова приливает к онемевшему запястью, и я машинально потираю его, чувствуя на коже жгучие отпечатки его пальцев. – Ты предала не только меня. Ты предала свою семью. И весь наш народ. Тебе больше нет места среди нас. Наш закон... – он делает театральную паузу, наслаждаясь моментом, – ...слишком мягок. Он не велит тебя казнить. Хотя я... – он не договаривает, давая толпе домыслить жестокость, на которую он, якобы, готов.

– Казнить! Казнить её! – Ядовитый шепот превращается в оглушительный рев, который бьет в уши, смывая последние остатки надежды. Он рождается в разных концах зала, сливаясь в единое, безумное требование.

Сирил поднимает руку, и толпа почти мгновенно затихает, покоренная его властью. Ярость, которую он сам и разжег. – Мы не можем, – говорит он приторно-сладким, лицемерным тоном. – Наш закон нерушим. А мы – цивилизованные люди. И, наверное, я слишком мягкосердечен. – Его ледяной взгляд снова вливается в меня, и в нем я читаю не разочарование, а ликующий триумф. – Я разочарован в тебе, Вивьен. Но я не стану убивать тебя. Ты отправишься в Нифльхейм. И проведешь там свои последние дни.

– Нифльхейм... – это слово вырывается у меня хриплым, безнадежным стоном.

По залу проносится новый вздох – на этот раз не гневный,

а почти благоговейный. Все знают, что это за место. Верная, мучительная смерть. Вечная зима, ледяные ветра, что сдирают кожу, и чудовища, бродящие в туманах. Я не проживу там и нескольких часов. Это не ссылка. Это изощренная казнь.

Ноги становятся ватными, земля уходит из-под них. Я едва удерживаюсь на ногах, чувствуя, как подкашиваются колени. – Я не знаю этого человека! – мой голос, полный отчаяния, вдруг звенит под сводами, и я указываю на перепуганного сына кузнеца. – Клянусь богами...

– Ты врешь! – Сирил прерывает меня, его голос гремит, как удар грома, не оставляя места возражениям. – Да, мы... мы росли рядом. Но я никогда... никогда не была с ним! Никогда не позволяла... – Хватит! – он взрывается, его лицо искажает гримаса гнева, и я понимаю, что это не притворство. Ему искренне ненавистен мой голос, моё существование. – Не смей оправдываться. Молчи. И прими свое наказание. Уведите её... – он отворачивается, делая изящный, брезгливый жест рукой. – Я больше не могу даже смотреть на это лицо!

Грубые руки стражников впиваются в мои плечи, вырывая меня из центра зала. Я не сопротивляюсь, я парализована. Мой взгляд, затуманенный слезами, последний раз скользит по знакомым лицам.

Отчим все так же ухмыляется, а мать... мать так и не посмотрела на меня. Её взгляд прикован к узору на каменном полу, будто в нем заключена вся вселенная.

Меня вышвыривают из тронного зала, и тяжелые дубовые двери с грохотом захлопываются за моей спиной, навсегда отделяя меня от прошлой жизни.

Меня вытолкали из дворца, и ослепляющий солнечный свет ударил в глаза, словно насмешка. Казалось, все горожане, все ремесленники, торговцы и служанки собрались на площади, чтобы проводить меня позорным шествием.

Море чужих, искаженных ненавистью и любопытством лиц плыло передо мной. Острые пальцы тыкали в меня, а из гущи толпы летели не только оскорбления, но и комья грязи, огрызки и гнилые овощи. Помидор с сочным хлюпом размазался по моему плечу, оставив на дорогом шелке кроваво-красное пятно.

— Это ложь! Меня оклеветали! — хрипло кричала я, но мой голос тонул в оглушительном гуле толпы.

Я пыталась уворачиваться от летящих предметов, но руки стражников сжимали меня как тиски. Никто не слушал. Никто не хотел слушать. В их глазах я уже была не невестой, а оскверненной грешницей, которую нужно изгнать.

Стражники грубо швырнули меня в грязную повозку, пахнущую дегтем и лошадиным потом. Дерево больно впилось в колени. Повозка рванула с места, и я, не в силах больше держаться, сжалась в комок на жестких досках.

Тело содрогалось от беззвучных рыданий. Всего час назад я была невестой кронпринца, а теперь — опороченная изгнанница, которую везут на верную смерть. Мир перевер-

нулся в одно мгновение, оставив на душе лишь ледяную пустоту.

Когда город скрылся за холмами и в ушах перестал звенеть гул толпы, я с трудом поднялась и села на скамью. Сквозь слезы я уставилась на сгорбленную спину кучера. Мысль, отчаянная и безумная, пронзила мозг. *Сбежать*. Используя последние силы, я поползла к краю повозки, цепляясь пальцами за шершавые доски, чтобы бесшумно спрыгнуть на убегающую дорогу.

— Даже и не думай, — сиплый голос кучера прозвучал так внезапно, будто он читал мои мысли. Он даже не обернулся, лишь бросил слова через плечо. — Тебя поймают быстрее, чем ты сделаешь три шага. Взгляни-ка на свою лодыжку.

Сердце упало. Я с опаской приподняла подол испачканного платья. И замерла. На ее щиколотке, там, где утром была лишь гладкая кожа, теперь плотно сиял изящный золотой браслет. Он был неестественно легким и холодным, и на нем были выгравированы странные, похожие на змеиные узоры. Я даже не почувствовала, когда его наделали.

— Я довезу тебя до Границы Теней, — равнодушно пояснил возница. — А дальше — сама. У тебя ровно сутки, чтобы добраться до врат Нифльхейма.

— Но я... я даже не знаю, где это! — голос сорвался на шепот.

— Браслет приведет, — он бесстрастно кивнул в сторону моей ноги. — Куда бы ты ни пошла, он будет тянуть тебя в

нужную сторону. Пока не кончатся сутки.

Холодный ужас, куда более пронзительный, чем прежде, сковал тело. — А что... что будет, если я не доберусь?

Мужчина на облучке наконец медленно повернулся ко мне. Его лицо было испещрено морщинами, а в глазах не было ни капли сочувствия. Он ослабился, демонстрируя почерневшие, почти гнилые зубы.

— Тогда твой изящный браслетик тут же обратит тебя в горстку пепла. Аккуратную такую, которую ветром сдует.

— Но кронпринц... Сирил сказал, что закон не велит меня убивать! — попыталась я найти хоть какую-то опору в этом безумии.

Его усмешка стала еще шире, циничной и откровенной. — А кто об этом узнает? Я — так точно молчать буду. А на твою судьбу, девочка, всем плевать. Мне до тебя какое дело?

С этими словами он презрительно хмыкнул и повернулся спиной, вновь уставившись на дорогу, убегающую в холодные, безразличные земли.

Мысль отдавалась в висках тупым, безжалостным эхом: никто мне не поможет. Этот мир, семья, даже сам закон — всё обратилось против меня. Я осталась одна в западне, из которой должна была сама найти выход. Если только это возможно.

Я снова взглянула на браслет на щиколотке. Золото холодно поблескивало в тусклом свете, словно живое. Я провела по нему пальцами, ища застежку, шов, хоть какую-то уязви-

мость. Но металл был идеально гладким и цельным, будто его выковали прямо на моей ноге. Он был магическим, а я... у меня была лишь слабая, бытовая магия, которой хватало на то, чтобы починить разбитую чашку или подсушить платок у огня.

Справиться с таким могущественным артефактом было выше моих сил. Я была птицей в позолоченной клетке, которую тащили на убой.

Мысли невольно унеслись на несколько недель назад, в ту простую, понятную жизнь, которая теперь казалась потерянным раем. Я работала на шумном рынке, помогая маме и отчиму, слышала знакомые голоса соседей.

Дома я следила за порядком, а по вечерам приглядывала за младшим братом, читая ему сказки. Жизнь текла спокойно и предсказуемо. Я точно знала, что ждет меня завтра: тот же рынок, те же заботы. Я думала, что позже выйду замуж за какого-нибудь парня из нашего поселения, рожу детей, и все будет продолжаться своим чередом. Не ярко, не богато, но спокойно и надежно.

А потом объявили, что кронпринц ищет жену. Брачный алтарь — древний и могущественный артефакт — должен был указать на избранницу. И он выбрал меня. Я помню тот день: я стояла на главной площади, чувствуя, как подкашиваются ноги от шока.

Это не могло быть правдой. Не со мной. За благоговейным ужасом последовал страх, и у меня даже мелькнула мысль об

отказе. Но я понимала — не могу. Моя семья, мама, которая сгибалась от работы... они наконец-то должны были зажить в достатке. Конечно, я согласилась. Да и права на отказ у простолюдинки не было.

Мне было невыносимо страшно впервые войти в дворец, встретиться с Сигилом. Но поначалу он показался мне милым и внимательным.

Он говорил тихим голосом, дарил комплименты, уверял, что я буду счастлива, что он будет обо мне заботиться. И я, как последняя дурочка, поверила в эту сказку. Я ждала свадьбы с замиранием сердца, и за эти недолгие дни в душе зародилось теплое, трепетное чувство, которое я по глупости приняла за любовь. А он так легко, так жестоко разбил мое сердце вдребезги.

Теперь я понимала: он все подстроил. Оболгал и предал меня сознательно. Причина была мне неизвестна, но результат очевиден: дорога домой закрыта навсегда. Мой путь лежал только в одном направлении — в изгнание.

Нифльхейм. Я почти ничего о нем не знала. Лишь обрывки слухов: вечные ледники, царящая зима, воздух, обжигающий легкие. Ходили легенды, что человек со слабой магией, как у меня, не способен выжить в том ледяном аду. Я не представляла, как справлюсь. Вообще ничего не представляла.

Мы ехали долго, казалось — вечность. Ноги затекли и онемели, спина ныла от каждой кочки. Я пыталась менять

позу, даже легла на жесткие, пахнувшие сеном доски кузова, но облегчения не было. Холод и усталость брали свое.

— Мы можем сделать остановку? — наконец сорвалось у меня, голос хриплый от долгого молчания.

— Нет, — коротко бросил кучер, не оборачиваясь. — Никаких остановок. Осталось недолго. Вон, за тем холмом я тебя высажу, дальше пойдешь сама.

Я с трудом приподнялась и посмотрела вперед. Зеленые луга и пастбища резко обрывались, словно ножом срезанные, а за ними, на горизонте, лежала белоснежная полоса, увенчанная острыми пиками сизых гор.

— Дальше я не поеду, — равнодушно констатировал он.

— Но там же холодно! — голос мой дрогнул. — На мне всего лишь легкое платье!

— Это уже не мои проблемы.

— Неужели у вас нет ни капли жалости? — прошептала я, уже не надеясь ни на что.

Мужчина на несколько томительных секунд замолчал, лишь хлопал вожжами. Затем он все-таки остановил лошадь у самой кромки, где трава уже сменялась хрустящим снегом. Покопался у себя под сиденьем и швырнул мне в лицо свернутую комком куртку. Она была грязной, засаленной, от нее несло потом, табаком и чем-то кислым.

— На, это все, что я могу тебе дать. Давай, вылезай. Мне велено проследить, чтобы ты пошла в ту сторону. А дальше уж сама как-нибудь.

— Ну... спасибо и на этом, — пробормотала я, почти не чувствуя губ.

Я соскользнула с повозки, и тонкие шелковые туфли мгновенно утонули в снегу. Холод, острый и безжалостный, ужалил ноги, пробежав по всему телу ледяной дрожью.

Я накинула вонючую куртку — она была тяжелой и не грела, но хоть как-то защищала от ветра. Сделав несколько неуверенных шагов, я обернулась. Кучер все так же сидел на облучке и безучастно наблюдал за мной. Ему было все равно. Для него я была предательницей, получившей по заслугам. Как и для всех остальных.

Я должна была стать женой Сирила и родить ему наследников. А теперь... Теперь он, наверное, выберет новую невесту. Но если она не будет предначертана алтарем... Впрочем, какая разница? Это больше не моя забота.

У меня теперь одна-единственная проблема — выжить.

Я побрела дальше, проваливаясь в сугробы. Острые льдинки больно впивались в промокшую кожу туфель. Вокруг редкие кусты, покрытые инеем, сменялись темными, угрюмыми елями, стоявшими как безмолвная стража на краю света. Я шла, ощущая, как жуткий холод пожирает меня изнутри, сковывая каждую мышцу.

И тут браслет на моей ноге слабо дрогнул. Он не просто вибрировал — он тянул меня вперед, словно невидимая нить, привязанная к щиколотке, указывала верное направление. А потом из чащи леса, черной и безмолвной, донесся

протяжный, ледящий душу вой.

Я съежилась, замерла на месте, сердце заколотилось в горле. Браслет снова завибрировал, настойчивее, сильнее, снова потянув вперед — прямо навстречу этому звуку.

Я зажмурилась, стараясь не расплакаться, стиснула зубы, чтобы они не стучали, и, покоровшись магическому принуждению, сделала шаг.

Затем еще один. Навстречу своей верной смерти.

Глава 2

Чем дальше я брела, проваливаясь в снег по колено, тем сильнее ледяные когти холода впивались в тело.

Я уже не чувствовала пальцев ног — они онемели, превратившись в чужеродные, деревянные обрубки.

Холод поднимался выше, по лодыжкам, выжигая последние остатки тепла. Хотелось выть от боли, от унижения, от бессильной ярости, но я лишь стиснула зубы, и, подчиняясь неумолимому давлению браслета, двигалась вперед.

У меня не было выбора. Либо я стану горсткой пепла, развеянной по этому ледяному ветру, либо найду в себе силы бороться. Пусть даже эти силы иссякали с каждым шагом.

Меня окружали высоченные, почерневшие от времени сосны. Их вершины терялись в серой, низкой пелене неба, словно касались его. Я шла, цепляясь замерзшими, почти нечувствительными пальцами за ветви, оставляя на коре ключья тонкой ткани платья.

Сначала я подумала, что это от холода и усталости у меня темнеет в глазах. Но нет — воздух вокруг действительно сгущался, превращаясь в плотную, молочно-белую пелену. И самое невероятное — туман был... теплым. Не горячим, но таким, каким бывает дыхание в морозный день.

После леденящего ужаса снегов это ощущение было почти болезненным.

Я ускорила шаг, с трудом пробираясь сквозь сугробы, которые здесь уже подтаивали по краям. Среди снега стали появляться огромные, поросшие серым мхом валуны, а вскоре я оказалась у подножия темной, почти черной скалы, уходящей в туман.

На лес опустилась ночь — стремительная и безжалостная. Из темноты снова донесся тот самый, леденящий душу вой, теперь казавшийся гораздо ближе. Мне нужно было укрытие. Хотя бы на час, чтобы отдышаться, собраться с мыслями.

Почти на ощупь, скользя по мокрым камням, я пробиралась вдоль скалы и наконец нащупала пальцами широкий провал в скале — вход в пещеру. Он был узким, но внутри чернела пустота, обещающая хоть какую-то защиту. Я протиснулась внутрь, сердце колотится от страха: а вдруг я потревожу чье-то логово?

Пещера оказалась глубже, чем я предполагала. Воздух в ней был влажным и тяжелым, пахнущим сыростью и чем-то древним, минеральным. Я прошла вглубь, наклоняясь, чтобы собрать разбросанные по полу сухие ветки и щепки — следы давних обвалов.

Когда силы окончательно покинули меня, а тьма сомкнулась вокруг, словно физическая материя, я щелкнула пальцами.

Из кончиков пальцев вырвалась крошечная, жалкая искорка магии. Едва заметная вспышка, на которую ушла по-

следняя капелька энергии.

Этого едва хватило, чтобы поджечь кучу хвороста. Пламя с треском занялось, осветив стены пещеры, покрытые скользким мхом, но тепла от него было катастрофически мало — лишь тонкая струйка живительного жара, не способная прогнать внутреннюю дрожь.

Я с трудом поднялась, набрав еще охапку веток, и рухнула у костра, протянув к огню побелевшие, дрожащие руки. Тишина вокруг была оглушающей, давящей.

Не было слышно ни ветра, ни зверей — лишь потрескивание моего ничтожного костра и бешеный стук собственного сердца. Я была совсем одна в незнакомом, враждебном месте, и не представляла, что ждет меня дальше.

Немного отогревшись, я прислонилась к холодной стене и закрыла глаза.

«Пять минут, — пообещала я себе. — Всего пять минут, и я пойду дальше».

Но куда? Браслет на лодыжке, который на время затих, снова издал слабую, но настойчивую вибрацию. Он тянул меня не назад, к выходу, а вглубь пещеры, в ее темное, неизведанное нутро.

Силы окончательно покидали меня, веки налились свинцом, и я провалилась в тяжелый, беспокойный сон.

Я проснулась мгновенно — от резкой боли в плече и руках. Чьи-то сильные, железные пальцы впились в меня, рывком подняли с земли и с нечеловеческой ловкостью скрути-

ли руки за спину. Ледяной ужас, куда более пронзительный, чем холод снаружи, пронзил все существо.

Я закричала — высокий, дикий, животный крик, который многократно отразился от стен пещеры, превратившись в хор испуганных призраков.

— Тише! — прорычал прямо над ухом грубый, низкий мужской голос. Его дыхание обожгло щеку. — Не ори!

Меня потащили в крошечной тьме, и я потеряла всякое ощущение пространства. Не могла понять, тащат ли меня глубже в пещеру или обратно к выходу. Отпрянуть было некуда, и я затихла, пытаясь унять бешеный стук сердца, оглушавший в тишине.

Спустя несколько минут, показавшихся вечностью, железная хватка ослабла, и меня грубо отпустили. Я пошатнулась, прежде чем глаза привыкли к внезапному свету. Яркие факелы, закрепленные на стенах, отбрасывали на скалы гигантские, пляшущие тени, освещая лица троих мужчин.

Они выглядели так, будто сошли с древних легенд. Длинные, спутанные волосы и густые бороды, заплетенные в сложные косы с вплетенными костяными бусами.

Их плечи были покрыты грубыми мантиями, отороченными мехом белого медведя, а под ними угадывались могущественные, тренированные тела.

Но больше всего поражал их рост — каждый был выше обычного человека чуть ли не на голову, и в их осанке читалась врожденная мощь и власть.

– Кто ты такая? – прогремел голос того, кто, судя по всему, был старшим. Его глаза, цвета холодной стали, сверлили меня, не оставляя места для лжи.

– Меня зовут Вивьен, – мой голос прозвучал хрипло и несмело. – Кронпринц Арганский сослал меня в Нифльхейм.

– На каком основании? – в голосе воина прозвучало презрение. – Мы не подчиняемся южным щенкам.

– Мне... мне приказали...

– Сослали, – подхватил второй, молодой, с хищным оскалом. – Что же ты натворила, дева? Убила кого-то? Совратила?

Я не успела открыть рот, как старший резко оборвал: – Поздно для расспросов. Пора убираться отсюда. Твари уже чувствуют чужака. Дева, – он бросил на меня властный взгляд, – иди следом. И не отставай, если жизнь дорога. Ульгард решит, что с тобой делать.

Мужчины развернулись и быстрым, уверенным шагом двинулись вглубь тоннеля. Я с трудом поднялась с земли, подобрала свою грязную, вонючую куртку и поплелась за ними. Каждый шаг давался с огромным трудом: ноги были ледяными колодами, а от голода в животе скручивалась острая, тошнотворная боль. Но я брела, понимая, что любое промедление может стоить мне жизни.

Я мысленно благодарила богов, что эти великаны не убили меня на месте, хотя холодок страха подсказывал, что всё ещё может случиться.

– А ты не знала, дева, что в Переходе Теней нельзя спать? – спросил тот, что помоложе, не оборачиваясь. Его голос эхом разносился по каменному коридору.

– Я даже не знала, что это Переход Теней, – пролепетала я, едва переводя дух. – Мне сказали идти, и я пошла.

– Такая покорность, – процедил он сквозь зубы с нескрываемым презрением. – Ни капли сопротивления в тебе. Как стадо овец, вас, южан.

– У меня не было выбора! – вырвалось у меня, и тут же я замолчала, укусив язык. Как я объясню им, что произошло?

Расскажу, что меня публично оболгали в неверности и отправили на смерть? Поверят ли они дочери южан, предавшей, по их мнению, своего правителя? Правда казалась такой невероятной, что её проще было принять за ложь.

Впереди показался свет — не желтый отблеск факелов, а чистый, белый дневной свет. Я почувствовала легкий ветерок, и он был не ледяным, а прохладным и свежим, наполненным пьянящими ароматами хвои, влажной земли и каких-то незнакомых цветов.

Я слышала, что в Нифльхейме вечная зима, и подумала, что они ведут меня не туда. Но браслет на моей лодыжке, этот проклятый проводник, отозвался ровной, уверенной вибрацией, безошибочно указывая вперед.

Я обхватила себя за плечи, пытаюсь согреться, и, собрав последние силы, ускорила шаг, надеясь наконец оказаться в тепле.

– Мы отведем тебя к Ульгарду, – бросил старший, как будто прочитав мои мысли. – Ты всё ему расскажешь.

– А он... он позволит мне здесь остаться? – робко спросила я, в голосе прозвучала крошечная искорка надежды.

Воин фыркнул, и в этом звуке слышалось нечто среднее между насмешкой и жалостью. – Ты не выживешь в наших землях, дева. Ты и часа не продержишься.

Мы вышли из пещеры, и у меня буквально перехватило дыхание. Вместо ожидаемого ледяного ада передо мной открылась долина невероятной красоты.

Изумрудно-зеленые луга, пронизанные быстрыми ручьями, упирались в величественные хребты гор, чьи заснеженные пики, казалось, пронзали саму лазурь неба. Воздух был свежим и чистым, пахнущим хвоей, мокрым камнем и дикими травами.

Меня повели дальше по узкой, хорошо протоптанной тропе. Вскоре показались деревянные домики с покатыми крышами, похожие на выросшие из земли грибы.

Они казались простыми и невероятно прочными, частью самого пейзажа. Повсюду виднелись люди. В основном — мужчины. Крепкие, с рельефными мышцами, такие же исполины, как мои провожатые. Их взгляды, тяжелые и оценивающие, скользили по мне.

Позже я заметила нескольких женщин. Рядом с ними я чувствовала себя тростинкой — хрупкой и беззащитной. Они были почти такого же роста, что и мужчины, с сильны-

ми, загорелыми руками и спокойной уверенностью в глазах.

Может быть, именно поэтому мне и сказали, что я здесь не выживу? Я была для этого мира слишком мягкой, слишком хрупкой.

Мы шли дальше, а я не могла оторвать взгляда от этих дивных видов. Ничего подобного я никогда не видела.

– Давай, шевелись быстрее, — слышался нетерпеливый окрик.

– Я стараюсь, — прошептала я себе под нос, чувствуя, как горят легкие.

Идти было невыносимо тяжело. Пальцы на ногах все еще не чувствовались, отдаваясь в мозг ледяной ломотой. Тело постепенно оттаивало, вызывая мучительное покалывание в конечностях, но сил не прибавлялось.

Несколько раз я споткнулась о собственные онемевшие ноги, и один из воинов, тот, что помоложе, грубо, но надежно поддержал меня под локоть, не дав упасть лицом в грязь.

Наконец, мы остановились у дома. Такого же деревянного, как и другие, но большего размера, с массивной дверью из темного дерева и тотемными знаками на косяках.

– Ждите здесь, — приказал старший. Двое его спутников скрылись внутри, а он остался со мной.

Я нервно оглядывалась, чувствуя себя диковинным зверем в клетке. Моя оборванная шелковая одежда, грязная и промокшая, кричаще выделялась на фоне практичных кожаных и шерстяных нарядов местных.

Женщины подходили ближе, их глаза, цвета неба и моря, с нескрываемым любопытством и легким подозрением разглядывали меня. Доносились отрывистые фразы на непривычном на слух языке, полном твердых согласных.

— Почему на меня так смотрят? — тихо спросила я у своего стража.

— Потому что ты чужестранка, — равнодушно бросил он. — А у нас таких, как ты, не видели уже много зим.

В этот момент дверь распахнулась, и на пороге возник мужчина. Он был выше и шире в плечах, чем все, кого я видела до этого. Длинные волосы цвета спелой пшеницы были заплетены в несколько сложных кос, а густая борода скрывала нижнюю часть его лица.

Для меня, привыкшей к гладко выбритым придворным, это было непривычным и пугающим зрелищем. Через его плечо была перекинута шкура огромного снежного волка, а у пояса висел меч в простых, но надежных ножнах. Весь его вид дышал неоспоримой властью и первобытной силой.

Я невольно опустила взгляд, чувствуя, как по спине пробегают мелкая дрожь.

— Представься. Как тебя зовут? — его голос был низким и глухим, словно подземный гром.

— Вивьен.

— Мне доложили, что кронпринц по какой-то причине решил, будто имеет право ссылать сюда людей, — он медленно обошел меня кругом, изучая с ног до головы. — Объясни,

какая же причина заставила его осквернить наш порог твоим присутствием, дева?

— Он... он посчитал, что я его предала, — выдохнула я.

— Ну и, конечно же, ты ни в чем не виновата, — в его голосе прозвучала плохо скрываемая насмешка.

— Не виновата, — тихо, но твердо ответила я.

— Наш договор с твоим кронпринцем расторгнут, — холодно произнес Ульгард. — Мы не имеем с ним никаких дел. И если он хочет нам что-то сказать, пусть явится сюда лично. Его письмами мы будем растапливать очаг.

— Это не от меня зависит. Я просто... выполнила приказ.

— Смиренно пошла на убой? — он усмехнулся. — А тебе не говорили, что здесь выжить сложно?

— Говорили, — кивнула я. Затем, собравшись с духом, я выставила ногу вперед и чуть приподняла подол платья, обнажив щиколотку. — Но вот.

— Что это? — его густые брови сдвинулись.

— Браслет. Мне сказали, что если я не дойду сюда, он обратит меня в горстку пепла. Так что выбора у меня не было.

— Браслет... — Ульгард внезапно опустился на одно колено, и его сильная рука мертвой хваткой сжала мою лодыжку. Я вскрикнула от неожиданности и боли, едва не потеряв равновесие. Он внимательно осмотрел золотую полоску, и одним резким, непостижимым движением его пальцев браслет с треском сломался пополам. Я не успела даже понять, как он это сделал. — Всё. Нет браслета. Ты свободна. Можешь

уходить.

Я просто стояла, не в силах вымолвить ни слова, не веря своим ушам. — Уходить? Куда? — Куда хочешь. Ты свободна, — повторил он, поднимаясь. — Тебя же сдерживала только эта безделушка. Разве не по этой причине ты пришла?

Я была в полном ступоре, разум отказывался воспринимать эту новую реальность. Теперь я была по-настоящему свободна. И абсолютно одна. И совершенно не знала, что делать дальше.

— Но я... — я не успела договорить, как над долиной пронесся оглушительный звук, похожий на удар гигантского гонга. Звон, от которого заложило уши и содрогнулась земля под ногами.

Я в страхе оглянулась, пытаюсь понять источник этого кошмара. На площади началась стремительная, но организованная суeta. Женщины хватали детей и бежали к домам, мужчины с грозными криками хватались за оружие.

— Быстро в дом! — рывкнул Ульгард, и его голос прозвучал как удар хлыста.

— В дом? — переспросила я, не в силах сдвинуться с места.

— Быстро, дева, ты оглохла?! — он рванулся ко мне.

В этот момент я подняла голову и увидела их. В небе, заслоняя солнце, кружили несколько исполинских существ с кожистыми крыльями. Я замерла, сердце заколотилось в груди. Я никогда не видела ничего подобного, кроме как на пожелтевших страницах сказок, которые мне читала бабушка.

— Дикие! Нападают дикие! — проревел кто-то из мужчин.

Я не успела опомниться, как чья-то сильная рука схватила меня за талию и буквально швырнула в открытую дверь дома. Дверь с грохотом захлопнулась, оставив меня в полумраке. Я, не дыша, подбежала к маленькому зарешеченному окну.

Дикие драконы. Говорили, они вымерли сотни лет назад. Я была в этом уверена. Они были порождениями легенд, страшными сказками для непослушных детей.

А теперь я видела, как один из них, чешуйчатый и черный, как ночь, пикировал вниз, изрыгая из пасти поток ослепительного пламени, которое обрушилось на крышу одного из дальних домов. И тут до меня наконец дошла простая и ужасающая истина.

Так вот почему эти земли считаются гибелью для чужаков.

Глава 3

Когда наконец наступила тишина, я с опаской вышла из дома. Картина, открывшаяся мне, была поразительна не меньше самой атаки. Ни паники, ни слез, ни хаоса.

Люди двигались с сосредоточенным спокойствием, будто только что закончили обычную дневную работу, а не отбили нападение мифических чудовищ.

Повсюду виднелись следы разрушений: несколько крыш были опалены и дымились, заборы сломаны, а на площади лежало огромное, вывороченное с корнем дерево. Но никто не суетился.

Мужчины и женщины, словно части одного слаженного механизма, тушили пожар, передавая друг другу ведра с водой, распиливали стволы и расчищали завалы.

Воздух был густым, пахнущим гарью, смолой и потом.

– Ты еще тут, дева? Не сбежала? – Рядом со мной, бесшумно возник Ульгард. Его взгляд был спокоен, но в глубине глаз я увидела усталую ярость, холодную и острую, как лед.

– Это же были дикие драконы! – выдохнула я, все еще не в силах поверить. – Они вымерли! Их не видели сотни лет!

– В вашем мире, может, и вымерли, – он хмыкнул, с презрением глядя в сторону, откуда я пришла. – А в наших землях здравствуют и посягают на нашу землю и скот. Здесь

многое из ваших сказок оказывается суровой правдой.

– Отойди, не мешай под ногами! – Меня грубо оттолкнула в сторону женщина, которая несла охапку свежесрубленных веток.

Я отпрянула, и, когда обернулась, Ульгарда уже и след простыл.

Я осталась стоять одна посреди кипящей деятельностью площади. Чужак. Помеха.

Мой браслет сняли, и теперь я была никому не нужна. В голове мелькнула мысль: я могла бы уйти. Вернуться назад, скрываться в приграничных лесах или в глухих деревушках. Но сердце сжалось от тоски. Рано или поздно меня найдут. И что тогда? Вечная жизнь в страхе?

Решение пришло внезапно и стало единственно возможным. Я не буду просить. Я буду действовать. Я подошла к группе подростков, таскавших воду для тушения, и молча взяла одно из ведер.

Они смотрели на меня с настороженным удивлением, но не стали протестовать. Потом я помогала оттаскивать обгоревшие балки, мои тонкие руки горели от непривычной нагрузки, а дорогое платье покрывалось сажей и грязью. На меня смотрели с опаской, но видя, что я работаю не для показухи, а с упорством отчаяния, перестали обращать внимание.

Когда основная работа была закончена и люди начали расходиться, я огляделась в поисках Ульгарда или кого-то из его воинов, но их нигде не было видно. Я подошла к высокой,

статной женщине, которая молотком подправляла покосившийся забор у своего дома.

– Простите, скажите, где мне найти Ульгарда? – спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– По что он тебе? – женщина на мгновение оторвалась от работы, ее взгляд был прямым и недружелюбным. – Он с мужчинами в лес ушел. Диким нужно напомнить, где их настоящее место, чтобы надолго запомнили.

– Я хочу остаться. Здесь. В Нифльхейме, – проговорила я, вкладывая в эти слова всю свою решимость.

Женщина усмехнулась, коротко и без тепла. – Не выдумывай, чужестранка. Не знаю, как ты сюда пробралась, но мы чужаков не любим и не жалуем. Нам свои проблемы по горло.

Она развернулась и ушла, оставив меня одну. Но ее слова не сломили меня, а лишь подстегнули. Я медленно вернулась к дому Ульгарда и опустилась на холодные каменные ступени у входа. Солнце клонилось к закату, окрашивая долину в багряные тона. Я подтянула колени к подбородку, обхватив их руками.

Я не уйду. Буду ждать его возвращения сколько потребуется — час, день, неделю. Потому что идти мне было абсолютно некуда. Этот порог стал последней гранью моего старого мира. И я не отступлю.

Я просидела на холодных каменных ступенях до самого вечера. Мимо меня сновали жители поселения — кто-то

бросал на меня беглые, любопытные взгляды, кто-то смотрел с открытым неодобрением, но никто не заговаривал.

Я была для них призраком из другого мира, непонятным и нежеланным. В желудке неприятно сосало и урчало от голода, но я вжалась в ступени, словно прикипела к ним, не в силах заставить себя сдвинуться с места и не зная, что делать дальше.

На небе одна за другой зажглись яркие, холодные звезды, и поселение начало погружаться в ночной покой. В окнах домов, похожих на глаза, замигали теплые огоньки очагов.

Я смотрела на них со слезами на глазах, которые тут же замерзли на щеках. За каждым из этих окон — жизнь, семья, поддержка, надежное убежище. А у меня не осталось ничего.

В памяти с болезненной четкостью всплыла ехидная ухмылка отчима. Почему-то мне казалось, что он как-то причастен к этому подлому спектаклю. Но один вопрос не давал покоя: почему мать ничего не сказала? Может, она не знала? Но я сама видела, как она пряталась за его спиной, избегая моего взгляда. От этой мысли становилось тошно.

Я прислонилась головой к холодным перилам и закрыла глаза, пытаюсь согреться собственным дыханием.

«Только бы не замерзнуть здесь насмерть», — пронеслось в голове. Измождение взяло верх, и я провалилась в тяжелый, тревожный сон, пока сквозь дрему не услышала тихие, осторожные шаги.

Я резко открыла глаза, выпрямила затекшую спину. Ко мне подошла пожилая женщина, чье лицо было изрезано морщинами, как картой прожитых лет. В ее руках был небольшой сверток из грубой ткани. Молча, она протянула его мне.

— Возьми, — ее голос был тихим и хриплым. — Долго сидишь, наверное, голодна.

— Спасибо, — прошептала я, и мои пальцы с жадностью обхватили сверток. Руки тут же обожгло приятным, живительным теплом, а из ткани донесся божественный запах свежее испеченного хлеба.

— Только испекла, — пояснила женщина и, к моему удивлению, присела рядом на ступеньку. — Как тебя зовут-то?

— Вивьен.

— И как ты тут оказалась? В лесу заблудилась?

— Нет, — я покачала головой, глотая подступивший к горлу ком. — Кронпринц меня сюда отправил. Сослал.

Женщина кивнула, и в ее глазах мелькнуло понимание, лишенное удивления. — Понятно. И чего же ты ждешь тут, на холоде?

— Ульгарда. Хочу поговорить с ним, упросить, чтобы он позволил мне остаться в вашем городе. Он сказал, что я свободна и могу идти куда угодно. Но я не знаю, куда.

— Дитя, ты же понимаешь, насколько здесь жизнь сложна? — спросила она мягко. — Ты видела, что сегодня произошло. Ты молодец, руки не опустила, помогала. Это я за-

метила. Но ты не привыкла к такому. Здесь выживают только сильные. Не только телом, — она ткнула пальцем себе в грудь, — но и духом. И магия у нас в крови течет иная, нежели у вас, на юге.

Я поджала губы, чувствуя правду ее слов как физический удар. — Да, вы правы. Но я буду стараться. Я научусь. Я развернула сверток и отломилла маленький кусочек душистого хлеба. Его вкус показался мне самым прекрасным, что я ела в жизни. — А больше мне все равно делать нечего. Других вариантов я не вижу.

— Поговори с Ульгардом, — женщина тяжело поднялась, опираясь на колено. — Он у нас строгий, но сердце не каменное. Может, и разрешит остаться. Но готовься к трудностям. Большим.

— К трудностям я уже давно готова, — тихо, но твердо ответила я.

Женщина кивнула и медленно пошла прочь, растворившись в темноте между домами. Я быстро доела драгоценный хлеб, и в теле наконец-то разлилось долгожданное тепло, придав сил. И тут я увидела их — из темноты леса, окутанные вечерней дымкой, вышли трое статных мужчин.

Ульгарда я узнала сразу — он шел впереди, его плечи были расправлены, а лицо оставалось суровым. Он подошел прямо ко мне, и его взгляд, тяжелый и пронзительный, заставил меня внутренне сжаться.

— Почему ты продолжаешь сидеть у моего порога? — его

голос прозвучал как скрежет камня.

Я поднялась, стараясь выпрямиться во весь свой невеликий рост, и инстинктивно закуталась в тонкую, пропахшую дымом куртку. — Я хочу с вами поговорить. Позвольте мне остаться в вашем городе. Мне больше некуда идти. На родине меня ждет только плаха. Я могу, конечно, бежать и скрываться в лесах, но не думаю, что надолго меня хватит. — Я сделала шаг вперед, глотая воздух. — Я умею работать! Я научусь делать все, что потребуется — колоть дрова, таскать воду, ухаживать за скотом... Прошу вас, дайте мне шанс. Позвольте остаться.

– Найди Тавию. Она тебе всё расскажет.

Ульгард, не сказав больше ни слова, развернулся, скрылся в доме и с глухим стуком захлопнул дверь. Я осталась стоять на том же месте, словно вросла в землю у его порога. Когда я наконец обернулась, его соратников и след простыл. Снова полное одиночество.

Тавия. И где же мне ее искать? Он не сказал ни слова о том, как она выглядит, ни где ее дом. Похоже, каждая минута моей жизни после изгнания превратилась в одно сплошное испытание. Видимо, я должна его пройти. Всё или ничего.

Я сунула в карман крошечный кусочек хлеба, оставшийся от ужина, и побрела по темной, безлюдной деревне, вглядываясь в очертания домиков.

В некоторых окнах еще теплился огонек, словно подмигивающие мне звезды, но большинство погрузилось в темноту

и сон. Людей на улицах не было видно.

Лишь изредка доносился приглушенный лай собак или скрип двери из-за забора. Сначала я стеснялась подойти, робость сковывала движения. Но потом я вспомнила пронзительный холод, от которого коченеют пальцы, и огненное дыхание диких драконов.

Одна в такую ночь я до утра не доживу.

Собрав волю в кулак, я подошла к одному из домов, где еще светилось окно. – Добрый вечер, простите за беспокойство, – мой голос прозвучал неуверенно и тихо.

Женщина, копавшаяся в сундуке у стены, вздрогнула и резко обернулась. Увидев меня, ее лицо на мгновение искажилось испугом, но тут же приняло вежливое, хотя и натянутое выражение. – А, чужестранка? Что-то нужно? – Я ищу Тавию. Не подскажете, где ее найти? – Сейчас молодая луна на небе, – женщина кивнула в сторону леса. – Значит, она там. Ищет то, что только при таком свете растет.

Я с опаской посмотрела в сторону черной стены леса. Идти туда ночью, зная, что в небе могут кружить дикие драконы? Сердце упало. – Спасибо, – пробормотала я и, отчаянно вздохнув, побрела по тропинке, ведущей к опушке.

Сама не знала, откуда во мне взялась эта решимость. Но куда-то идти было определенно лучше, чем замерзнуть в бездействии.

Я сильнее закуталась в свою жидкую, пропахшую чужим потом куртку. Снега здесь не было, но холод пробирал до

костей, и с каждым выдохом изо рта вырывалось маленькое облачко пара.

Жажда давала о себе знать сухостью во рту. К счастью, вскоре я заметила небольшой ручей, сбегавший по камням. Вода была ледяной и обжигающе чистой. Сделав несколько глотков, я почувствовала прилив сил и с новой решимостью двинулась дальше.

Если на окраине деревни еще можно было что-то разглядеть, то под сенью леса меня поглотила абсолютная, густая темень. Воздух стал пахнуть влажной землей, гниющими листьями и чем-то незнакомым, терпким. Сделать несколько шагов вглубь казалось безумием.

– Тавия? – тихо позвала я, и мой голос был безнадежно поглощен мраком. – Тавия?

Неужели она могла уйти далеко в эту чашу? Я замерла на самом краю, прислушиваясь. Где-то рядом шуршала листва — возможно, пробежал лесной зверек. Больше ничего. Я обернулась на огоньки деревни, такие далекие и манящие. Может, сесть у чьего-нибудь забора и просто дожждаться рассвета? Но что, если я тогда пропущу ее и провалю это испытание?

Стиснув зубы, я сделала шаг, затем другой, углубляясь под темные своды деревьев. Я постоянно оглядывалась, пытаюсь запомнить дорогу, и уже почти готова была повернуть назад, как заметила впереди, среди стволов, смутную тень.

– Тавия? – снова, чуть громче, позвала я, и в голосе про-

звучала надежда.

— Кто меня зовет? — послышался спокойный женский голос.

— Тавия! — я чуть не заплакала от облегчения и пошла на звук. — Простите, что беспокою, вы, наверное, заняты...

Я обогнула толстый, поросший мхом ствол и увидела ее. Женщина с седыми, заплетенными в косы волосами, стояла на коленях перед кустом, срезая у основания какие-то цветы длинным изогнутым ножом.

— Некогда мне сейчас, видишь, — она даже не подняла головы. — Нужно успеть, пока они совсем не закрылись.

— Давайте я вам помогу, — предложила я, чувствуя, что это мой единственный шанс.

— Помоги, — коротко бросила Тавия, достала из кармана своего кожаного фартука еще один, меньший нож и протянула мне рукояткой вперед.

Куст был необычным — пышный, с тонкими, похожими на иголки листьями, увенчанными крупными бархатистыми цветами цвета запекшейся крови. Они будто светились в темноте собственным, тусклым багровым сиянием.

Тавия ловко срезала их и аккуратно укладывала в плетеную корзину. Я старалась повторять ее движения, стараясь не повредить хрупкие лепестки, и, работая, заговорила.

— Я обращалась к Ульгарду... Сказала, что хочу остаться в городе. Он меня к вам направил.

— Ко мне направил? — она на мгновение остановилась, и в

ее глазах мелькнула тень удивления. – Понятно.

– Вы... вы можете мне с этим помочь?

– Возможно, – ее ответ был таким же скупым, как и все ее слова. – Давай поработаешь со мной, а там... посмотрим.

Глава 4

Вначале это занятие показалось мне почти медитативным и несложным. Но уже через полчаса мои пальцы, не защищенные перчатками, онемели и побелели от холода, превратившись в непослушные деревянные палочки.

Каждый срез давался все труднее. Когда мы наконец закончили с этим кустом, я с облегчением подхватила корзинку, надеясь, что теперь мы наконец покинем этот темный, негостеприимный лес. Но Тавия, выпрямившись, лишь указала подбородком вперед.

– А теперь идем дальше.

И тут я увидела, что в тени огромного кедра стоит еще одна, пустая, но на удивление массивная корзинка из ивовых прутьев.

– Дальше? – не удержалась я, и в голосе прозвучала отчаянная нотка.

– Да. Тут этих цветов — всего ничего. Хватит на одну маленькую кружечку. Пойдем скорее, пока они не закрылись, — она бросила беспокойный взгляд на небо, где молодая луна играла в прятки с редкими облаками. — А то вот-вот луна спрячется, и все. Без ее света мы их не найдем.

Мы двинулись глубже в лесную чащу. Я тащила свою ношу, и с каждым шагом корзинка становилась все тяжелее. Казалось бы, всего лишь цветы, но они будто были отлиты

из свинца.

Ветви цеплялись за мои лохмотья, словно пытаюсь удерживать чужака. Когда мы добрались до следующей поляны, усыпанной теми же багровыми огоньками, мы снова молча принялись за работу. Видимо, это и есть еще одно испытание — проверить не только мою решимость, но и выносливость.

Когда последний цветок был срезан, Тавия выпрямилась, с трудом разгибая спину, и приложила ладонь к пояснице. Раздался тихий, костный хруст.

— Устала я немного, — прошептала она больше для себя. Потом ее взгляд упал на меня. — Сама донесешь?

— Донесу, — неуверенно выдохнула я, с ужасом глядя на две переполненные корзины.

Но тут Тавия, словно не замечая их веса, легко взгромоздила одну из них на плечо, как будто это была коробка с пухом.

— Запомни раз и навсегда, — строго сказала она, — никогда не бери на себя больше, чем можешь унести. Ни в работе, ни в жизни.

С этими словами она решительно зашагала по едва заметной тропе. Я с трудом подняла свою ношу, обхватив ее обеими руками, и поплелась следом.

Тавия, несмотря на возраст и усталость, двигалась быстро и уверенно, ее ступни будто сами знали каждую кочку на пути. Годы такой жизни закалили ее, сделали частью этого сурового края. Я же, спотыкаясь, тащилась сзади, останавли-

ливаясь каждые несколько минут, чтобы перевести дух и перехватить онемевшие пальцы.

Когда мы наконец вышли на опушку, я заметила, что мир погрузился в крошечную тьму. Я подняла голову и увидела, что небо затянуто сплошной, тяжелой пеленой туч, поглотившей луну и звезды.

– Снег сейчас пойдет, — безразлично констатировала Тавия. — Поэтому шевелись, а то замерзнешь насмерть у меня на пороге. Я себе этого не прощу.

Мы зашли в ее дом, неказистый и приземистый, пахнущий дымом, сушеными травами и чем-то горьковатым. Внутри было аскетично, но чисто.

– Ставь корзинки туда, — она указала на массивный стол из темного дерева, занимавший центр единственной комнаты.

Я с огромным трудом, помогая себе коленом, взгромоздила на него сначала одну корзину, потом другую. Только тогда я почувствовала, как дрожат мои руки и ноет спина. Пока я приходила в себя, Тавия подошла ко мне и сунула в руки огромную, почерневшую от копоти кастрюлю.

– Сюда нужно набрать снег, — объявила она. — Я ложусь спать. Мне нужно отдохнуть перед завтрашним днем. А ты садись у окна и наблюдай. Как только снега выпадет достаточно, выйди и набери его, чтобы кастрюля наполовину была полна, когда он растает.

Я только раскрыла рот, чтобы что-то сказать, но она была непреклонна. Какое-то странное, бессмысленное задание.

Но спорить я не посмела. В этом доме ее слово было законом.

— Хорошо, — тихо ответила я, принимая тяжелую кастрюлю. — Выполню.

Снег, как и предсказывала Тавия, начал сыпаться с неба уже через несколько минут — крупные, тяжелые хлопья, кружащиеся в немом танце за стеклом.

Тавия, не говоря ни слова, устроилась на невысокой лежанке у печки и почти мгновенно уснула, ее дыхание стало ровным и глубоким.

Я же, скинув свою пропахшую потом и дымом куртку, придвинулась поближе к огню, жадно протягивая к теплу заочевенные пальцы.

В доме горели всего две сальные свечи, отбрасывающие на стены гигантские, пляшущие тени, но этого света хватало, чтобы сквозь окно наблюдать, как белая пелена медленно укутывает землю.

Вскоре начался настоящий снегопад, слепой и яростный. Вспомнив наказ, я схватила кастрюлю и выскочила на улицу. Холод обжег лицо, а снег бил в глаза, мешая смотреть.

Я собирала его с деревянных ступенек крыльца, с обледеневших балясин, сгибала упругие ветки кустов, с которых он осыпался целыми пластами. Руки снова онемели и покраснели, но я упрямо набивала кастрюлю до краев белой, рыхлой массой.

Вернувшись в дом, я вытерла запотевшие бока кастрюли и с ужасом поняла: когда этот снег растает, его наберется

от силы на треть. А нужно было половину. Стиснув зубы, я схватила вторую кастрюлю и снова ринулась в снежную мглу, теперь уже собирая снег с земли, с заборов, с любых поверхностей, какие только могла найти.

Когда дело было наконец сделано, я стояла посередине комнаты, дрожа от холода и усталости, вся промокшая и продрогшая до костей. В этот момент с лежанки поднялась Тавия, свежая и бодрая, будто и не спала вовсе.

– Давай, ложись отдыхай, – сказала она, – а я пока приготовлю нам поесть.

– Нет, – выдохнула я, едва шевеля побелевшими губами. – Позвольте мне помочь.

Тавия молча кивнула, достала из еще теплой печи чугунный котелок с дымящимся ароматным супом и несколько грубых, но душистых лепешек. Мы быстро поели — я почти не чувствовала вкуса, проглатывая горячую пищу, чтобы хоть как-то согреться изнутри.

– Ну, раз подкрепилась, – сказала Тавия, вставая, – давай, продолжаем.

Она поставила на огонь одну из кастрюль с растаявшим снегом и, внимательно наблюдая за водой, дала мне новый приказ: – Смотри за водой. Как только появятся первые пузырьки, самые маленькие, у самого дна — начинай кидать цветы. По одному. И не торопись, девочка. Здесь спешка — враг.

Я замерла у печи, уставившись на воду. Когда ее поверх-

ность задрожала и со дна потянулись вверх первые, крошечные жемчужины воздуха, я взяла первый багровый цветок. И случилось нечто невероятное. Едва лепестки коснулись горячей воды, цветок не просто растворился — он будто вздохнул, выдохнув в жидкость струйку густой, черно-красной туши. Она расплзалась в воде, как живая, закручиваясь в причудливые, зловещие узоры.

Я бросала цветок за цветком, и с каждым новым вода в кастрюле становилась все темнее, гуще, приобретая цвет старой крови и ночного неба. А потом она начала закипать по-настоящему, и вместе с этим кипением стала таять на глазах, будто выпариваясь с неестественной скоростью.

Ее становилось все меньше и меньше, пока на дне не осталось всего несколько ложек густой, маслянистой жидкости, отливающей багрянцем и фиолетом.

— Тавия, — тихо позвала я, замороженная этим зрелищем. — Кажется, готово.

— Да, — женщина подошла и одобрительно кивнула. — Все сделано верно.

Она ловко сняла кастрюлю с огня, обернув руки полотенцами, и поставила ее на деревянную доску на столе. Потом достала небольшую глиняную кружку и медленно, аккуратно перелила в нее темное зелье. Потом ее пронзительный, знающий взгляд упал на меня, и она протянула кружку мне.

— Пей, — сказала она, и в ее голосе не было места для возражений.

Глава 5

Я медленно поднесла кружку к губам, но в последний момент инстинктивно остановилась. Темная, почти черная жидкость, отливающая багрянцем, пахла чем-то древним и терпким, как влажная земля после грозы.

– Это для чего? – спросила я, и голос мой прозвучал неуверенно.

– Силы твои проверить, – ответила Тавия, ее глаза пристально следили за мной. – Не навредит. Пей.

Делать было нечего. Я зажмурилась и сделала большой глоток. На вкус жидкость оказалась обманчиво приятной, сладкой, с густым привкусом лесных ягод и едва уловимой, горьковатой кислинкой полыни.

Почти сразу же по телу разлилось приятное, глубокое тепло, будто я выпила глоток летнего солнца. Но едва я успела это осознать, как ноги внезапно подкосились, словно из них вытащили кости.

Я с трудом удержалась на ногах и грузно опустилась на табурет. В висках застучало, а в ушах поднялся неприятный, монотонный гул, словно внутри меня завелся рой пчел.

– Что со мной, Тавия? – прошептала я, чувствуя, как комната поплыла перед глазами.

– Всё в порядке. Процесс пошел, – ее голос донесся сквозь нарастающий шум в голове. – А теперь покажи-ка мне свои

ладони.

Я с трудом подняла руки и положила их на стол ладонями вверх. Тавия склонилась над ними, ее цепкие пальцы мягко ощупали каждый сустав, каждую линию. Она внимательно изучала мои ладони, а затем медленно, с явным разочарованием, покачала головой.

– Плохо. Очень плохо. Практически на нуле.

И тут я сама увидела это: кончики моих пальцев слабо, едва заметно, засветились тусклым золотистым светом. Свечение было таким слабым, что померкло через пару секунд, словно последний вздох угасающей свечи.

– Да, всё как я и думала, – вздохнула Тавия, отодвигаясь.
– Очень-очень слабая магия. Еле тлеет.

– Я бы сразу это сказала, – пробормотала я, чувствуя странный стыд, будто в чем-то провинилась.

– Мне нужно было проверить всё самой. Глазам своим я верю больше, чем словам, – отрезала она.

– Если ты собирала цветы еще до моего прихода, значит, ты знала, что я приду?

– Конечно, знала, – Тавия усмехнулась, и в уголках ее глаз собрались лучики морщин. – А как иначе? Все чужестранки сначала ко мне попадают.

– И много тут чужестранок? – осмелилась я спросить, озираясь по сторонам, как будто ожидала увидеть в темных углах других изгнанниц.

– Ни одной сейчас нет, – ее улыбка мгновенно исчезла.

– А где они все? – тихо спросила я, и по спине пробежал холодок.

– Тебе лучше об этом не знать, – Тавия резко забрала кружку и принялась с силой оттирать ее дно тряпкой, хотя оно было уже идеально чистым. – Ложись, отдыхай. Поспишь, потом решим, что с тобой делать.

– Так... так мне позволят остаться в городе? – в моем голосе вновь зазвучала надежда.

– Позволят, – ответила она, не глядя на меня. – Но всё будет только на твоей совести. Выживешь — твое счастье. Носиться с тобой, как с писаной торбой, никто не будет. Я вижу, что есть в тебе искра, желание помогать. И работать ты не боишься, это я заметила. Но пойми, дитя: жизнь в Нифльхейме в тысячу раз суровее, чем в ваших размягших теплом землях. Поэтому будь готова. По-настоящему готова.

– Я уже готова ко всему, – выдохнула я, и в этот момент почувствовала, что это правда. Страх отступил, уступив место странному, холодному спокойствию.

Я поднялась с табурета и побрела в угол комнаты, куда указала Тавия. Там лежал стог сена, прикрытый потертым, но чистым одеялом из грубой шерсти. Тавия швырнула мне небольшую холщовую подушку, набитую сухими травами, от которых пахло мятой и лавандой.

– Спи, – коротко бросила она, гася одну из свечей. – Как проснешься, пойдем к Ульгарду. Он выслушает мой совет. А там... там и решится твоя судьба.

Я провалилась в сон почти мгновенно, как только голова коснулась травяной подушки. Мне снилась мама. Я была маленькой, сидела у нее на коленях, а она нежно расчесывала мои волосы деревянным гребнем, напевая под нос старую колыбельную.

Ее объятия были такими крепкими и безопасными, ее поцелуй в макушку таким теплым... В те дни мне казалось, что моя жизнь — это идеальный, сияющий шар, полный любви и заботы.

Затем в сновидении появился отчим. Он стоял в дверном проеме и смотрел на меня. Всегда одним и тем же взглядом — тяжелым, оценивающим, полным скрытого раздражения, будто я была пятном на безупречном ковре его жизни.

А мама... мама будто не замечала этого. Она улыбалась ему, и ее улыбка стирала тень от его присутствия.

Картинка поплыла, исказилась, и я снова увидела его лицо. Но на этот раз — в тронном зале. Его взгляд, полный ледяной ненависти, и та хитрая, самодовольная ухмылка, что кривила его губы. Он был замешан в этом. Я была в этом уверена, до самого костного мозга.

И тут же, как гром среди ясного неба, над всем этим навис образ Сигила, его голос, громовый и обвиняющий.

Мне приснилось, что я бегу. Бегу через темный, густой лес, не разбирая дороги. Острые ветки хлещут меня по лицу, цепляются за волосы, рвут в клочья мое шелковое платье. Я слышу за спиной тяжелое дыхание погони, лай стражников,

и от этого бегу еще быстрее, пока легкие не начали гореть огнем. И я начинаю кричать, беззвучно, отчаянно...

Я резко села на постели, сердце бешено колотилось где-то в горле. По лицу не стекал пот, но все тело была мелкая, нитевидная дрожь. В полумраке комнаты я увидела Тавию. Она сидела напротив на табурете и молча наблюдала за мной.

– Кошмар приснился? – ее голос был ровным и спокойным, будто она ждала этого.

– Да, вроде того, – я провела ладонью по лицу, пытаюсь стереть остатки сна, липкие и неприятные, как паутина.

– Такое бывает, – она как-то странно прищурилась, будто видя не меня, а тени, что за мной тянулись. – Собирайся, идем к Ульгарду, пока он на совете с дозорными.

– Мне нужно несколько минут.

Я быстро умылась ледяной водой из кувшина, что заставило вздрогнуть все мое тело, и туго заплела волосы в простую косу. Хотелось бы, конечно, скинуть это грязное, изорванное платье, почувствовать сытость в животе, но сейчас решалась моя судьба. Медлить было нельзя.

Мы вышли из домика, и я замерла от удивления. На улице было по-летнему тепло, воздух звенел от птичьих голосов и пьянил ароматом влажной земли и трав.

Меня поразило, насколько стремительно здесь менялась погода. Всего несколько часов назад свирепствовал снегопад, а теперь от него не осталось и следа, лишь на горных вершинах, словно белые зубы, сияли нетронутые снега.

Мы молча шли к знакомому дому Ульгарда. По дороге на нас снова смотрели — мужчины, прерывавшие починку оружия, женщины, доившие коз. Их взгляды, тяжелые и недружелюбные, заставляли меня опустить голову и прижать руки к груди.

Я ждала, что Тавия даст мне наставления, подскажет, как себя вести, что говорить. Но она шла впереди, прямая и невозмутимая, не произнося ни слова.

Она без стука толкнула массивную дверь в дом Ульгарда и жестом пропустила меня вперед.

– Заходи.

Я робко переступила порог, чувствуя себя непрошеным гостем. Внутри дом оказался просторным, срубленным из темного дерева, и поразительно уютным. Воздух пах дымом, вощенной кожей и мятой. Здесь было тепло и безопасно.

– Проходи, не задерживайся, – подбодрила меня Тавия, и я, покорно следуя за ней, вошла в большую комнату.

Ульгард сидел на низком диване, застеленном шкурами медведя и волка. Напротив него, на деревянных скамьях, располагались двое его воинов. Они о чем-то оживленно беседовали, но, едва мы появились на пороге, разговор резко оборвался, и в комнате повисла напряженная тишина. Ульгард молча взмахнул рукой, и оба мужчины, не проронив ни слова, тут же поднялись и вышли.

Тавия, не смущаясь, заняла место одного из них, опустившись на скамью с такой естественной властностью, будто она

была здесь полноправной хозяйкой. В моем мире ни одна женщина не посмела бы вот так вторгнуться в мужской разговор и занять место воина.

– Я проверила эту девочку, – без предисловий начала Тавия, ее слова прозвучали как приговор. – Искра магии в ней есть, но слабая, бытовая. Почти угасшая. При большом желании и упорстве, конечно, можно попытаться раздуть ее. Может, со временем и пригодится.

– Так что ты думаешь? – Ульгард скрестил на груди мощные руки. – Оставлять или изгонять?

– Ну, и куда ты ее изгонишь, посмотри на нее, – Тавия кивнула в мою сторону, и я невольно съежилась. – Худая, как тростинка, изможденная. Она не дойдет и до Перехода Теней — или драконы растерзают, или разбойники с дороги позаберут. Пусть остается. А там... выживет — ее судьба, нет — ее выбор.

Меня поразили эти слова. Они говорили о моей жизни и смерти так спокойно, так отстраненно, будто решали судьбу безымянной овцы, а не живого человека, который стоял тут же, в трех шагах от них, и слышал каждое слово.

– Выйди, Вивьен, нам нужно обсудить кое-что наедине, – Тавия бросила на меня беглый взгляд, а Ульгард даже не удостоил меня поворотом головы, продолжая изучать пламя в очаге.

Я молча вышла, притворив за собой тяжелую дверь. Ждать пришлось долго. Солнце уже клонилось к вершинам

гор, и вечерняя прохлада начала пробираться сквозь тонкую ткань моего платья. Я ежилась, переминаясь с ноги на ногу на холодных каменных плитах крыльца, но не смела уйти. Наконец дверь скрипнула, и на пороге появилась Тавия.

– Идем, – коротко бросила она и, не оглядываясь, зашагала прочь.

Я покорно поплелась следом, чувствуя, как в груди замирает тревожный комок.

– Сразу скажу, вариант не самый лучший, – начала Тавия, ее голос был ровным и бесстрастным, пока мы шли по опустевшим улочкам. – Но лучше предложить ничего не можем. Тебе придется со всем разбираться самой. Выживешь — твой выбор, нет — твоя судьба.

– Я справлюсь, – выдохнула я, больше пытаюсь убедить в этом себя, чем ее.

– Конечно, справишься, – она произнесла это с такой безжалостной уверенностью, что по моей спине пробежали мурашки. – Выбора у тебя все равно нет.

Тавия провела меня через весь город, и когда мы подошли к самой его окраине, где дома стояли пореже, она остановилась и указала на небольшое, почерневшее от времени и непогоды строение. Крыша его местами просела, ставни висели на одной петле, а двор был густо поросшим бурьяном и крапивой.

– Это будет твоим домом, – объявила Тавия.

– Моим? – я недоверчиво округлила глаза, глядя на это

ветхое убежище.

– Я понимаю, что вид... – начала она, но я перебила ее, и внезапная, иррациональная радость переполнила меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.